

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ В ПРОЗЕ С. А. ШАРГУНОВА КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ

Е. Ю. Вихрова

Тверской государственный университет

Поступила в редакцию 2 ноября 2022 г.

Аннотация: обращение к автобиографическому аспекту является основой художественного метода С. А. Шаргунова. Биографический материал и журналистская деятельность оказывают существенное влияние на художественный метод писателя. В статье доказывается, что способы воплощения проблематики и характерология героев через автобиографический компонент выражают православную традицию в современной отечественной словесности.

Ключевые слова: автобиографизм, Шаргунов, православная традиция, современная литература, художественный метод.

Abstract: the use of autobiographical materials is the cornerstone of S. A. Shargunov's artistic method. Biographical material and journalism influence the writer's artistic method heavily. This article argues that the study of issues and characters through the autobiographical element reflects the Orthodox tradition in modern Russian literature.

Keywords: autobiographical material, Shargunov, Orthodox tradition, modern literature, artistic method.

Автобиографический материал в прозе С. А. Шаргунова играет большую роль в создании образа героя.

Как отмечает Е. Г. Местергази, «Резкая перемена в отношении к факту и его ответная экспансия в литературу <...> произошли в пору первой мировой войны и революции, именно тогда, когда по-настоящему, а не по календарю, наступил XX век. Это было время не только резкого слома эпох, но и тотального кризиса искусства, болезненно переживавшегося и фиксированного в сознании многих чутких художников и мыслителей» [1, 31].

Конец XX — начало XXI веков — эпоха с очередными кризисами, которые также осмысляются современными писателями.

Ю. Н. Мажарина отмечает, что в XXI веке «интерес ко всему документальному и “реалистичному” нарастает. <...> Искусство XXI века активно повернулось в сторону документализма» [2, 3].

С одной стороны, С. А. Шаргунов следует традиции русской литературы в обращении к документальному началу, чтобы раскрыть внутренний мир персонажа. С другой стороны, авторские «находки», факты, становятся строительным материалом для создания метарассказа, то есть постмодернистским приемом. Из готового набора фактов писатель конструирует различные художественные миры.

Можно увидеть, как проявляется своеобразный авторский эксперимент в наделении вымышленных персонажей автобиографическими деталями (например, именем), приписывании им личных воспоминаний, поступков, что создает эффект единства всех произведений, целостности художественного

мира автора. Такая игра позволяет показать множество возможных вариаций одного и того же события, осветить различное отношение героев к конкретному факту. Но в очерковой автобиографической повести «Книга без фотографий», в рассказах, где главным персонажем является автобиографический герой, мы видим и обратное — гипертрофированную обнаженность авторского «я». Такая чрезмерная открытость героя сопоставима с таинством исповеди. Только в данном случае герой поверяет свою жизнь и душевные переживания читателю, а не священнику.

Предельная «нагота» свойственна древнерусскому подвижнику — юродивому. Подробно функцию наготы юродивого разъясняет А. М. Панченко: «Задумав юродствовать, человек оголяется» [3, 92].

Исследователь подчеркивает, что нагота юродивого — это не только отказ от одежды. К функции наготы ученый сводит и отказ юродивых от родственных связей, отсутствие оседлости, непризнание общественных ценностей. Нравственная идея наготы — презрение к плоти.

Можно сказать, что и выворачивание своего внутреннего мира наизнанку, выставление напоказ порой даже постыдных мыслей или происшествий — это тоже обнажение, смелое и по-юродски провокационное. Таким образом, юродствование становится приемом и переносится в авторскую сферу. Например, автобиографические персонажи раскрывают перед читателем не только светлые, но и темные стороны. Так, в эссе «Мой батюшка» автор воспроизводит следующий эпизод: «Помню, как двадцатилетний, задержавшись в хмельной компании, я пришел поздно. Мама была на даче. Мобильником я тогда еще не об-

завелся. Я выскочил в черную ночь, полную белой метели, подбежал к телефонному автомату. <...>. “Папа! Папа! <...> Отопри мне!” В этот миг я почувствовал себя возвратившимся блудным сыном...» [4, 116].

Помимо предельного обнажения своего внутреннего мира, автобиографическим героям свойственно обращаться к евангельским эпизодам. Например, в процитированном выше фрагменте обнаруживаются аллюзии на евангельскую притчу о блудном сыне.

Подобный способ создания героя не случаен, так как С. А. Шаргунов — сын священника. И следовательно, православная традиция играет существенную роль в его прозе, однако некоторые реалии из жизни Церкви становятся авторским приемом в прозе. Так, например, хорошо знакомая автору с детских лет исповедь отражается в том, как данный жанр модифицируется в исповедальную интонацию произведений.

В прозе С. А. Шаргунова вымышленные персонажи также наделяются автобиографическими чертами и рефлексируют о православных реалиях, выражают свое отношение к вере. Например, в повести «Как меня зовут?» Андрей Худяков часто размышляет о вере. Его сомнения в истинности православной веры переключаются с воспоминаниями автобиографического героя «Книги без фотографий». Например, сказанное проявляется в восприятии чуда, о благодатном огне герой говорит своей возлюбленной Тане: «Черепок, глупый, вмещает, но сердце шире головы, сердце не цепляется за уловки, оно раздувается, как ноздри быка <...> Розыгрыш — твой огонь. Жулик в алтарь зашел, испросил у небес прощения, достал из одежд зажигалку, зеленую, с белыми буквами “cricket”. Допросить бы этого патриарха, прижать к ногтю, опрятного, расчесанного: как? Прямо по плану: заперся в алтаре? И капли огня? А где твоё потрясение? Ты еще жив? Откуда дежурность такая в повадках?» [5, 141–142]. И если у Андрея Худякова, в детстве побывавшего на Святой земле, предвзятое отношение к вере, то у автобиографического героя-ребенка «Книги без фотографий» — равнодушное: «Меня возили в самые разнообразные святые места, монастыри, показывали нетленные мощи и плачущие лики, я знал знаменитых старцев, проповедников, с головой окунался в обжигающие студеные источники, но оставался безучастен.

Был везде, разве что не был на Пасху в иерусалимском Храме Гроба Господня, где, как считается, небесный огонь ниспадает и божественные молнии мешаются с бликами фотоаппаратов...» [6]. Вводное словосочетание «как считается» подчеркивает сомнение героя в чуде благодатного огня.

Фальшь в отношении к православной вере, неискреннюю восторженность подмечает автобиографический герой «Книги без фотографий» и у учеников православной гимназии: «...Я посмеивался, когда звонкими голосами они отвечали у доски про Иисуса и смоковницу, как будто про Ильича и снегирей»

[6]. Автор описывает контраст между словом и делом, сопоставляя пламенные речи учащихся о любви к ближнему на уроке и жестокий «расстрел» ими чужака во дворе школы снежками («Я же брат ваш! Вы Христа бьете!» [6]).

Отец Андрея Худякова, Владимир Худяков, священник. Обращение к автобиографическому материалу становится важным принципом в создании образа героя. Несмотря на усвоенный с детства православный «этикет», Андрей Худяков оказывается знаком только с внешней обрядовой стороной христианства и не понимает внутренней религиозной глубины. Следствием этого становится его сопротивление религиозной «лжи», стремление к истине. Проблема правды и лжи поднимается уже в названии повести «Как меня зовут?». Так же отражаясь в названии произведения, интересно преломляется тема вымысла и правды в рассказе «Правда и ложка», где художественная деталь становится звеном, связующим все события воедино.

В повести «Как меня зовут?» о своих предках, с которыми знаком только понаслышке, Андрей Худяков говорит следующее: «Еще в избе ютились материнские родители. Имена — подкидыши из святцев. Нил — рыбак, влюбленный во все соленое, обучавший: “Стол — Божья ладонь”, “Поел — скажи: слава Богу, бабушке спасибо”. Манефа — из глазниц болотные огоньки» [5, 10]. В произведении сделан акцент на православной традиции наречения младенцев именами. Самый известный святой с именем Нил — Нил Столобенский. Одновременно этот святой ассоциируется с водной стихией, так как его подвижничество проходило на острове. Святых с редким именем Манефа известно только две — мученица Манефа Кесарийская (Палестинская), которая за преданность Христу была сожжена на костре, и родившаяся в селе Севруки под Гомелем Мария Скопичева, которую в постриге нарекли Манефой. Однако автор дает именам из святцев характеристику — «подкидыши», обозначая таким образом их неродственность, несоответствие носителям имен, но характеры самих лиц опровергают это определение, так как, например, Нил — и чтит Бога, и любит соленое, связанное с морем. Таким образом, усиливается мотив несоответствия имени его носителю: Андрей не принимает не только свое имя, такими же чужими ему видятся имена, данные его предкам. Именно отсутствие у героя твердой веры и поверхностное знакомство с историей своего рода ставит перед ним задачу понять себя, найти взаимосвязь своего мира с именем. Так как для С. А. Шаргунова очень важна тема собственного рода, своих корней, мы можем заметить, что образ рыбака Нила тоже «списан» с реальности. В «Книге без фотографий» бабушка рассказывает внуку о его прадедушке: «Мой прадед, Алексей Акимович, рыбак, крупной солью, как инеем, покрывал все, что ел. <...> В глубокой старости, когда отнялись

ноги, он горше всего переживал невозможность ры-бачить — со слезами полз к реке» [6]. В повести «Как меня зовут?» образ прадеда благодаря вымышленному имени Нил еще теснее сопрягается с православной традицией.

Тема имени — одна из наиболее важных в творчестве С. А. Шаргунова. Наиболее полно она отражается в эссе «Мой батюшка», где автобиографический герой размышляет о странном, словно инопланетном, имени своего отца — Винцент, данным при рождении. Автор упоминает и о втором имени отца, полученном в крещении — Александр. Для нас важно, как феномен имени, наследуя православную традицию, преобразуется в светском произведении, подчиняясь авторскому замыслу. В эссе представлена точка зрения ребенка на непонятную для него ситуацию, связанную с настоящим именем отца: «Первое и главное мое впечатление: я не знал, как зовут отца. “Чучуха”, иногда ласково говорила ему мама. “Винцент!” — окликала раздраженно. “Батюшка!” — восклицала крестная. На улицах, когда у меня спрашивали: “А как зовут твоего папу?” — я терялся, а он, оказавшись рядом, представлялся: “Александр Иванович”. <...> Я относился поначалу к папе с тревогой» [4, 109–110]. Мы видим, как реальный факт, взятый за основу из жизни — непонимание ребенком, какое же из всех возможных наименований является настоящим именем отца — претворяется в других произведениях С. А. Шаргунова. Так, Андрей Худяков задается вопросом о связи его имени собственного с его внутренней сутью. Также герой признается возлюбленной, что вынужден жить и печататься под чужими именами.

Аналогичная ситуация происходит с подростком Варей из рассказа «Пригвожденный», только вместо имени девочка не в состоянии примириться со своей невыразительной внешностью. И лишь совершенный Варей добрый поступок меняет ее восприятие.

С. А. Шаргунов не только наделяет вымышленных персонажей автобиографическими чертами, писатель включает в рассказы, где герой является автобиографическим, вымышленные детали. Например, в повести 2006 года «Как меня зовут?» Андрей Худяков, задумавшись о своей девушке Тане, определяет ее имя эпитетом «земляничное». В рассказе «Ты — моя находка», вошедшем в сборник «Свои» (2018), уже автобиографический герой говорит о «земляничном» имени своей жены. Особенность творчества С. А. Шаргунова — наделение абстрактных понятий конкретным, буквальным содержанием. Поэтому в «магнитном поле брака» [4, 214] появляется «ягод-

ное» имя. Другой вариант отражения в более поздних произведениях уже озвученных ранее идей — моделирование свадебной ситуации в рассказе «Ты — моя находка»:

— Ура! — кричали, обступая нас, свадебные люди, и я отвечал им: «Ура!», весело поднимаясь по ступенькам с невестой [4, 210].

В повести «Ура!» 2012 года автор пишет: «Я предлагаю вам новый миф о Древе Ура.<...> Корни костистые, плоды красные, и кора... Толстенная кора! Ура!» [7].

Таким образом, с одной стороны, автобиографические мотивы в художественной прозе С. А. Шаргунова позволяют выразить неоднозначное отношение к православной вере, отразить моменты сомнений в душе героя и яростного отрицания религиозной «лжи», а также показать, что любая, даже неприятная бытовая ситуация может вызывать ассоциации с евангельскими сюжетами. Обращение к автобиографическому материалу отражает авторскую позицию — подчеркнуть тесную связь православия со многими сторонами русской жизни: например, с традицией наречения новорожденных именами, с обычаями предков, историей рода. С другой стороны, мы видим, что в рассказы с автобиографическим героем вносятся художественные элементы из более ранних произведений. В данном случае автобиографический материал выступает лишь основой для конструирования авторской художественной модели реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Местергази Е. Г. Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века): дис. ... доктора филол. наук / Местергази Е. Г. — М., 2008. — 246 с.
2. Мажарина Ю. Н. Мемуарные портретные очерки Б. К. Зайцева: особенности поэтики: дис. ... канд. филол. наук / Мажарина Ю. Н. — Воронеж, 2014. — 172 с.
3. Лихачев Д. С. Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Л. Понырко. — 1984. — 295 с.
4. Шаргунов С. А. Свои / С. А. Шаргунов. — М., 2018. — 345 с.
5. Шаргунов С. А. Как меня зовут? Малыш наказан / С. А. Шаргунов. — М., 2006. — 288 с.
6. Шаргунов С. А. Книга без фотографий / С. А. Шаргунов. — Режим доступа <http://shargunov.com/kniga-bez-fotografiy.html> (дата обращения: 18.02.2022).
7. Шаргунов С. А. Ура! / С. А. Шаргунов. — Режим доступа: <https://shargunov.com/ura.html> (дата обращения: 14.02.2022).